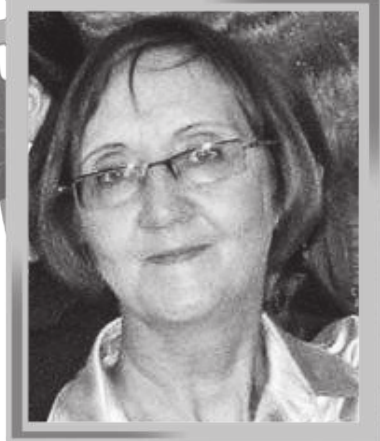

Галина Золотайна

г. Ленинск-Кузнецкий

Конспекты книжного жучка

1. Старик и мир

Читая «Старик и море», я отчётливо осознала равносильное человека и мира. Вот:

«Рыба – она тоже мне друг, сказал он. – Я никогда не видел такой рыбы и не слышал, что такие бывают. Но я

должен её убить. Как хорошо, что нам не приходится убивать звёзды!»

«Представь себе: человек что ни день пытается убить луну! А луна от него убегает. Ну а если человеку пришлось бы каждый день охотиться за солнцем? Нет, что ни говори, нам ещё повезло», - подумал он.

Потом ему стало жалко большую рыбу, которой нечего есть, но печаль о ней несколько не мешала его решимости её убить. Сколько людей он насытит! Но достойны ли люди ею питаться? Конечно, нет. Никто на свете не достоин ею питаться: поглядите только, как она себя ведёт и с каким великим благородством.

«Я многого не понимаю, – подумал он. – Но как хорошо, что нам не приходится убивать солнце, луну и звёзды. Достаточно того, что мы вымогаем пищу у моря и убиваем своих братьев».

Вот такой масштаб мышления у безграмотного человека, ночующего на газетках и разговаривающего по очереди то с правой своей рукой, то с левой!

2. «Пекарня Сруля Бунина»

– Терпеть не могу букву «ф»! - признался как-то Иван Алексеевич. – Мне даже выводить на бумаге её неприятно и трудно. В моих писаниях вы не найдёте ни одного действующего лица, в имени которого попала бы эта громоздкая буква. Почему? Сам не знаю.

Кстати, меня при крещении чуть не нарекли Филиппом. В последнее мгновение спасла меня нянька. Священник уже стоял у купели, нянька прибежала к матери:

– Это что делают! Разве для барчука это имя? У нас плотник-пропойца тоже Филипп!

Думать было некогда. Второпях назвали меня первым пришедшим в голову именем - Иваном, хотя это тоже не слишком изысканно. (...)

Представляете, если бы это случилось – назывался бы «Филипп Бунин». Тьфу, как «филипповская булочка»! Из-за такого гнусного созвучия я, вероятно, и печататься никогда бы не стал.

Да, чуть не забыл – ещё об именах. Наш древний род значится в шестой родословной книге дворянства. Но как-то гулял я по Одессе и наткнулся на вывеску «Пекарня Сруля Бунина. Каково!»

(В. Лавров. «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920 – 1953)»)

Золотайна Галина Михайловна, родилась 28 апреля 1956 года в городе Ленинск-Кузнецком Кемеровской области. Участвовала в коллективных сборниках: «Дороже серебра и злата» (Кемерово), «На родине моей повыпали снега...» (Кемерово), «Площадь Пушкина» (Кемерово), «Собор стихов» (Кемерово) и др. Печаталась в журналах: «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские Огни» (Новосибирск). Книги: «Мир прозрения» (Кемерово, 1985), «Гнездо» (Кемерово, 1995), «Горожанка» (Ленинск-Кузнецкий, 2000), «Давайте о хорошем», (2021). Член Союза писателей России. Живет в г. Ленинск-Кузнецкий.

3. «А мой-то гений каких народил!»

«Лопатина была женщина в некоторых отношениях замечательная, но очень пристрастная. Воспроизвожу однако в полной точности то, что еще рассказывала она мне о нем, о его родных и близких и о той московской среде, к которой он принадлежал и в которой она выросла.

«...»

В нашем кругу постоянно говорили не только о Толстом, но и о всей Толстовской семье. Например, первый выезд Тани Толстой, ее первый бал (кажется, у князей Щербатовых) был предметом разговора даже у нас, у моих братьев со мной, хотя я еще ее не знала. Рассказывали бывшие на этом балу о ее простом белом платье, восхитительной улыбке, своеобразных, немного резких манерах, не скрывавших милой застенчивости... Помнится, это был ее единственный бал. Скоро Лев Николаевич запретил ей выезды на балы. И когда потом был как-то бал у Беклемишевых, она забралась к ним в самом начале, в простом платье, – только посмотреть. Комнаты, еще холодные, ярко освещенные и полные запаха цветов, постепенно наполнялись огромным количеством московских барышень в воздушных платьях, в нарядных прическах и цветах, с меховыми накидками на обнаженных плечах... Таня с любопытством разглядывала всех:

– Какие вы все смешные! – наконец сказала она совсем по-толстовски. – Голые и в цветах!

Я познакомилась с нею тоже у Олсуфьевых – мы вместе отъезжали на масляничной тройке от их особняка в Мертвом переулке, ехали в Покровское-Глебово, где в оранжерее был приготовлен чай и музыка для танцев. Опять неожиданно, в бекеше, с палкой, появился Лев Николаевич, со своими пронзительно жесткими глазами под нависшими бровями, – проводить ехавших, посмотреть, с кем села Таня и как она ведет себя. И это всех очень тронуло, – «точно совсем обыкновенный человек».

...

Я была дружна с Верочкой Толстой, дочерью графа Сергея Николаевича. С ней, кажется, и пришла в первый раз в Хамовники, в московский дом Толстых.

Дом Толстых был столь интересен, что бывать там было очень соблазнительно. Но то тяжелое, что было там, не искупалось для меня в то время этим интересом. Все или почти все Толстые были талантливы, своеобразны, остроумны. Но они ни на одну минуту не забывали, что они Толстые. Я никогда не слыхала, чтобы молодые Толстые восхищались какими-нибудь литературными произведениями, кроме толстовских. Все и всех они осуждали, говорили, что Тургенева и Гоголя впоследствии никто и читать не будет: велик только Толстой. А меж тем, когда стали вспоминать «Севастопольские рассказы», Таня вдруг сказала: «Я, правду сказать, их не читала...»

...

Софья Андреевна тоже говорила просто, живо и как бы искренно такие вещи, которых ни от кого другого услышать было нельзя. Говорили как-то о браке. Она сказала: «Брак, конечно, грех и падение, искупление его только дети». Однажды распрашивала она меня об одной нашей общей знакомой. Я восхищалась ею. Софья Андреевна вдруг сказала: «Ну да, да, я так и знала: восхитительная женщина! А меня вот прославили дурой по всей России. А кто ведет весь дом? Кто всех детей на ноги поставил?» Она не скрывала, что пишет роман, что-то вроде опровержения на «Крейцерову сонату». Таня, однако, без всякой почтительности заявила при ней: «Покуда мы живы, все, что пишет мама, напечатано не будет».

Один раз, когда два меньших Толстых ехали на перезкзаменовку, Лев Николаевич вышел к ним и сказал: «Пожалуйста, знайте, что вы мне доставите самое большое удовольствие, если оба провалитесь». Они не преминули доставить ему это удовольствие. А Софья Андреевна с раздражением говорила: «Господи, посмотришь, у самых обыкновенных людей дети и талантливы, и умны, и учатся. А мой-то гений каких народил!»...»

(Иван Бунин «Освобождение Толстого»)

4. «Пишу и молюсь!»

Чуть-чуть про Репина...

Читаю «Современники» Корнея Чуковского, многое нравится, многое вызывает улыбку, вот это, например:

«...И каких только мер не принимал он, чтобы поднять свои упавшие силы!

В этот период упадка он, как мы видели, увлекся религиозною живописью и начал писать картину «Отойди от меня, сатано!». Картина не давалась ему. Что сделать, чтобы она вышла возможно удачнее? Художник Поленов посоветовал ему верное средство:

– Ты должен хорошо помолиться, прежде чем возьмёшься за кисть. Нельзя браться за религиозный сюжет без поста и молитвы.

– И я послушался, – рассказывал Репин впоследствии. – Пишу и молюсь. Пишу и молюсь. И пост соблюдаю строгий.

– И что же?

Он засмеялся и ничего не ответил.

Пауза длилась не меньше минуты. Потом он вздохнул и удрученно сказал:

– Такая дрянь вышла!

5. «По проволоке дама идёт, как телеграмма»

Сейчас по вечерам читаю книгу Глеба Скороходова «Разговоры с Раневской». Ещё и половины книги не проглотила, но всё равно уже хочется кое – чем поделиться, например, конспектом главки «Маршак – поэт»:

«– Вот мы с вами говорили о Маяковском. А знаете, кого из своих современников – поэтов он ценил? – спросила Ф. Г. – При том, что знал цену поэзии и высший балл ставил прежде всего самому себе?

Восторг у него вызывали стихи Маршака. Маяковский нараспев – сама слышала, – рубя строки, будто Маршак писал, как он, ступеньками, произносил своим бархатным голосом:

«По проволоке дама
Идет, как телеграмма»

...Горький, которого вы не цените, призывал сочинять для детей, как для взрослых, но лучше. Так писал у нас только Маршак.

– А Агния Барто, Михалков? – спросил я.

– Вы говорите о хорошем виршеплетении, а я о поэзии, – пояснила Ф. Г.

– Маршак приучал детей к ней, Михалков – к рифмованным строчкам. И получал награды. Вы знаете, что ему дали Сталинскую премию за «Дядю Степу»?! Михаил Ильич Ромм после этого сказал, что ему стыдно надевать лауреатский значок.

Про Михалкова и говорить не хочу. Тут случай особый. Язвительный Катаев как изобразил его в «Святом колодце»! Придумал ему псевдоним – Осетрина, – он действительно похож на длинного осетра. И живописал его способность, нет, особый нюх, позволяющий всегда оказаться среди видных людей или правительственных чиновников в момент, когда те фотографируются.

Маршак – человек другой породы. Поэт. Переводы сонетов Шекспира – шедевр, хоть ему и пришлось ломать голову, как превратить героя в героиню: стихи, воспевающие мужскую любовь, не пропустили бы ни в одном издательстве.

Я была у него в гостях, в новом доме на Садовом кольце – ужасное сооружение! Это возле Курского. На проезжую часть Самуил Яковлевич окна не открывал – там шум, как в ткацком цеху, днем и ночью. Машины, трамваи – гудки, звонки. Никто еще не додумался запретить сигналы, и все с восторгом распевали песни о «звнящей и гулящей красавице – Москве». Кошмар!

Маршак в этом доме встретил войну. И когда начались бомбежки, рассказывал мне, всегда стучал в стенку своей экономке – немке:

– Амалия Фридриховна, ваши прилетели!

– Доннер ветер! – ругалась она.

Самуил Яковлевич читал мне и переводы из Бернса – он тогда увлекся английской поэзией. Это – до войны, по-моему, после «Подкидыша», потому что он начал хвалить мою Лялю и я с ужасом подумала: «Сейчас вспомнит Мулю!» А он только сказал:

– Вы сыграли трагическую женщину.

И все. Не стал объяснять, и я была благодарна ему.

А потом мне как вожжа под хвост попала, и я начала обличать уровень нашей массовой поэзии, особенно песенной. Радио всю жизнь преследовало меня своим идиотизмом. Смотрите, я и сегодня записала несколько перлов, что выдали радиосолисты: «Я бесконечно верю милым задумчивым глазам». Или: «И звезды сыплются вокруг». А хор русской песни старательно выводил: «Все соловьи и все жаворонки – это все коммунисты мои». (Тут я ржала минут десять! – Г.З.)

Это я сама записала, отвечаю за каждое слово. Мне кажется, глупость, которую стыдно произнести, можно спеть. Моя тирада была об этом.

– Ну почему, когда есть поэзия, людей пичкают бредом на уровне «Кирпичиков»?! – возопила я.

И тут произошло неожиданное: я получила отпор, потому и запомнила его.

– Вы не совсем правы, дорогая, – сказал Самуил Яковлевич своим воркующим, сиплым голосом. – У нас много песен, к которым пишут не стихи, а тексты, но с «Кирпичиками» не стоит быть столь категоричной. Английская поэзия убедила меня, что и наши «Кирпичики» – типичная народная баллада. Они содержат все ее признаки: сюжет, что разворачивается от четверостишья к четверостишью, жизнь героя от рождения до завершения. Если вспомните, это и в «Маруся отравилась» и в «Раскинулось море широко» – балладе, которую недавно вспомнил Утесов. Что у нас, что в Англии люди любили такие песни, пели их вечерами в кругу друзей и родных, каждый мог поставить себя на место героя баллады, и это помогало жить. Зачем же отказывать такой поэзии?..»

И я влюбилась в Маршака.

